

RU

Языковой сдвиг как результат влияния социальных факторов (на примере финно-угорских языков РФ)

Кондрашкина Е. А.

Аннотация. Целью статьи является получение данных об ускоряющемся языковом сдвиге у финно-угорских народов Российской Федерации, проживающих в Республиках Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия и Удмуртия. Для достижения заданной цели были проанализированы те экстралингвистические факторы, под влиянием которых происходит этот сдвиг: демографическая и функциональная мощность языка, языковая среда, передача языка от старшего поколения младшему, положение языка в школе, престиж языка и ряд других. Особое внимание уделяется национально-языковой политике в советские времена, во времена после распада СССР и в настоящее время. Подчеркивается негативное влияние на психологическое состояние носителей титульных языков целого ряда социальных факторов, таких как борьба с национализмом и репрессии 30-х годов XX века, русификация. Билингвизм и переключение кодов в процессе общения определяются как начальный этап языкового сдвига. Научной новизной работы является тот факт, что исследование языкового сдвига и его причин у финно-угорских народов РФ в таком объеме проводится впервые. Результатом являются статистические данные о языковом сдвиге у финно-угров пяти названных республик в переписи 2010 г.

EN

Language Shift as a Result of the Influence of Social Factors (by the Example of Finno-Ugric Languages of the Russian Federation)

Kondrashkina E. A.

Abstract. The paper is aimed at obtaining data on the accelerating language shift among the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation living in the Republics of Karelia, Komi, Mari El, Mordovia and Udmurtia. To achieve this aim, the task was to analyse the extralinguistic factors causing that shift to occur: the demographic and functional power of the language, the language environment, the transfer of the language from the older generation to the younger one, the position of the language at schools, the prestige of the language, etc. Special attention is paid to the national language policy during the Soviet, post-USSR and present times. The negative influence of a number of social factors, such as the anti-nationalism struggle and repressions in the 1930s, the Russification, on the psychological state of native speakers of the titular languages is emphasised. Bilingualism and code switching in the process of communication are defined as the initial stage of the language shift. Scientific novelty of the paper lies in the fact that the study of the language shift and its causes among the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation is carried out to such an extent for the first time. The result is statistical data on the language shift among the Finno-Ugrians of the five above-mentioned republics in the 2010 census.

Введение

Актуальность темы вызвана тем, что перепись 2010 года показала, что языковой сдвиг или смена языка становится все более устойчивой и ускоряющейся тенденцией среди народов Российской Федерации.

В 2012 г. был опубликован Атлас угрожаемых языков ЮНЕСКО (The UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger: Context and Process. Cambridge, 2012) и оказалось, что все финно-угорские языки России входят в разные разделы этого Атласа. Так, к «определенно угрожаемым» были отнесены: луговой марийский, мордовские эрзянский и мокшанский языки, карельский, коми-зырянский (коми) и удмуртский языки. Горный марийский язык был отнесен к «сильно угрожаемым» (Януш, 2014, с. 147). В течение последующих лет было опубликовано большое количество статей по языковой ситуации и языковой политике разных республик, входящих в РФ, а в Научно-исследовательском центре по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН

в 2016 году была завершена работа по объемной энциклопедии «Язык и общество». Проводились также микропереписи, например в Удмуртии в 2015 году, но выяснялось только владение языком, а вопроса о родном языке не было. Анализ имеющегося материала показал, что хотя авторы и пишут о том, что происходит переход на русский язык некоторых носителей этнических языков, но языковой сдвиг не выделен как угрожающий существованию национальных языков РФ. Поэтому задачами исследования были следующие: раскрыть условия, при которых происходит смена языка (в историческом ракурсе), определить наиболее важные социальные факторы, как положительно, так и негативно повлиявшие на язык, и подкрепить полученные выводы цифрами языкового сдвига по переписи 2010 г.

В работе использовался метод синтеза, т.е. полученные материалы интерпретировались с целью создания единой картины причин языкового сдвига и его статистических данных.

В решении поставленных задач большую помощь оказала теоретическая база, представленная в работах коллег из финно-угорских республик, финских исследователей и других ученых, опубликованных в ежегодных сборниках по марийской и сравнительной филологии (2015-2021 гг.), журналах «Ежегодник финно-угорских исследований» (2017, 2018, 2020 гг.), «Финно-угроведение» (1999-2007 гг.), «Финно-угорский мир» (2018-2020 гг.), «Вопросы филологии» (2017-2019 гг.) и др. Также были изучены и приняты во внимание доклады на международных конференциях, в которых автор принимал участие. Полученные результаты исследования показали, что языковой сдвиг угрожает существованию национальных языков, и если не замечать факт его ускорения, то будущее этих языков представляется неопределенным. В связи с этим итоги работы могут иметь практическую значимость, если их примут во внимание местные органы в республиках, отвечающие за положение национальных языков, и предпримут меры к тому, чтобы языки сохранялись. Кроме того, они могут использоваться также в системе вузовского лингвистического образования в теоретическом курсе по социолингвистике.

Основная часть

Языковой сдвиг или смена языка в условиях многонационального государства, каковым является Российская Федерация, приобретает в последние десятилетия устойчивую тенденцию. При этом отметим, что языковой сдвиг в нашей стране характеризует не отдельную этническую общность в целом, а лишь часть ее представителей, относящихся в основном к молодому или среднему поколению. Как прописано в «Словаре социолингвистических терминов» (под ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006): «Формальным показателем языкового сдвига является выбор какого-то определенного языка в качестве родного» (с. 276). Обычно этот определенный язык заменяет этнический. Получить статистические данные о языковом сдвиге сложно. Частично это подтверждает перепись, где родным языком удмурт, мариец или представитель другого этноса называет русский язык, а не этнический. Фактически мы наблюдаем утрату связи между этнической идентичностью (национальностью) и родным языком. Но не все в этих цифрах так однозначно, поскольку надо иметь в виду ситуацию в смешанных семьях, где родным языком для ребенка в такой семье может быть русский.

Отметим также, что в двух из названных финно-угорских республик государственными языками юридически зафиксированы три: в Марий Эл – марийский (горный и луговой) и русский, в Мордовии – русский и мордовский (эрзянский и мокшанский), в Коми и Удмуртской Республике – два государственных языка – русский и, соответственно, коми и удмуртский. В Республике Карелия статус карельского не установлен, закон о языке не принят, официальным языком является русский.

Обстоятельствами, влияющими на смену языка, обычно не являются его внутрискруктурные особенности. Языковой сдвиг возникает под воздействием экстралингвистических факторов. Язык – явление общественное, отсюда следует, что его развитие и функционирование зависят от эволюции общества. Однако не любые события в общественных процессах приводят к изменениям в использовании языка, а лишь некоторые. О том, что язык социально обусловлен и это необходимо учитывать, писали многие ученые-языковеды, в частности Е. Д. Поливанов (1968), который считал, что лингвисты не уделяют должного внимания социальным причинам, влияющим на языковые изменения, хотя «в развитии языка сложно взаимодействуют собственно языковые, внутренние, и внешние, социальные факторы» (с. 211).

Крайне важно, анализируя причины смены языка, учитывать следующие обстоятельства: демографическую и функциональную мощь языка, языковую политику государства, возможности воспроизводства языка в семье, роль школьного образования, престиж языка, исторические и экономические события и ряд других. Именно от этого зависит добровольная или вынужденная смена языка отдельным индивидом, группой лиц или целым народом.

Факторы, влияющие на языковой сдвиг

Демографическая мощь языка, т.е. число носителей языка, несомненно имеет значение, но она актуальна, если индивид, считающий себя носителем родного языка, активно пользуется им в повседневном общении. Однако даже значительное количество носителей языка еще не гарантирует его сохранения, иногда малые, так называемые одноаульные языки на Кавказе, например, сохраняются и используются больше, чем языки с достаточным числом носителей. В то же время демографическая мощь языка является одним из факторов, транслирующих значение языка в этнической идентичности населения. Обычно в каждой республике владеют титульным языком не только представители титульного этноса, но и некоторое количество

представителей других национальностей, проживающих в данном регионе. Так, согласно переписи 2010 года, в Республике Карелия владели карельским языком 19007 чел., из них 16876 карелов, которые составили 88,8% от всех владеющих карельским (Итоги Всероссийской переписи..., 2012, с. 170). В Республике Коми владели коми-зырянским (коми) языком 144181 чел., из них коми – 130797 чел., т.е. 90,7% (Итоги Всероссийской переписи..., 2012, с. 172). В Республике Марий Эл владели луговым и горным марийскими языками 204513 чел., из них 198072 чел. – марийцы (96,9%) (Итоги Всероссийской переписи..., 2012, с. 192), в Республике Мордовия мордовскими языками мокшанским и эрзянским владели 196160 чел., среди них 191164 чел. мордовской национальности (97,5%) (Итоги Всероссийской переписи..., 2012, с. 192), в Удмуртской Республике владели удмуртским языком 246217 чел., из них 229203 чел. – удмурты (93%) (Итоги Всероссийской переписи..., 2012, с. 194). То есть во всех республиках подавляющее большинство владеющих титульными языками являются представителями титульного населения, что вполне естественно, а цифры (свыше 90% во всех республиках, кроме Карелии) свидетельствуют о том, что финно-угорские языки занимают пока еще прочные позиции в самоидентификации их носителей.

Языковую среду во всех пяти республиках в основном составляют русские и русскоязычные представители других этносов, проживающие в этих регионах. При этом, как правило, русское население не владеет титульным национальным языком, являющимся государственным в той или иной республике. Лишь малый процент русских, обычно не более 1,5-2%, знает и использует национальный язык. Доминирование русского населения неизбежно порождает доминирование русского языка и преобладание национально-русского типа двуязычия. Соотношение русского и титульного населения по переписи 2010 года составляло: в Карелии – 78,9% и 7,08%, в Коми – 61,7% и 22,5%, в Марий Эл – 45,1% и 41,8%, в Мордовии – 53,2% и 39,9%, в Удмуртской Республике – 60% и 27% (Итоги Всероссийской переписи..., 2012, с. 53-91).

Воспроизводство языка играет большую роль в его витальности. Во все времена считалось, что основным средством познания языка является семья, в которой язык передается от старшего поколения младшему. Однако в последнее время эта традиция утрачивает свою актуальность. Именно тот факт, что дети практически не получают знание языка в семье от родителей, является одним из признаков языкового сдвига. Особенно это касается языков этнических групп, находящихся за пределами своих республик, так как они попадают в другую языковую среду и им особенно трудно сохранять свой язык.

В 2012 году отделом социологии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева было проведено исследование 3 городов и 6 сельских районов примерно по 1200 чел. в каждом, в котором ряд вопросов касался языка общения в семье. Выяснилось, что на марийском языке в семье с родителями общаются 54,3% марийцев, на русском – 12,5%, на русском и марийском – 20,8%. Общение с детьми дошкольного возраста – 33,6% – на марийском, на русском – 35,7%, на русском и марийском – 30,4%. С детьми школьного возраста – 34,1% на марийском, 34,7% – на русском, 30,3% – на русском и марийском (Шабьков, Кудрявцева, 2018, с. 77). Как видно из статистики, в общении с детьми преобладает русский язык. Также немалое количество родителей отдает предпочтение двуязычному общению с детьми, что позволяет предполагать, что в будущем эти дети станут полностью русскоязычными.

Отдельное исследование марийские ученые проводили по горномарийскому языку, сравнивая данные соцопросов в 2011 и 2018 гг. В 2011 г. в разговоре с родителями использовали горномарийский язык 61,4% горных марийцев, в 2018 г. – 48,3%, русский язык в те же годы – 12,3% и 10,3% соответственно, русский и горномарийский – 5,3% и 17,2%. С детьми школьного возраста – горномарийский 62,5% и 33,3%, русский – 12,5% и 33,3%, русский и горномарийский – 25% и 16,7% (Шабьков, Кудрявцева, Краснова, 2020, с. 72-80). Статистические данные свидетельствуют, что за прошедшие указанные годы сократилось количество общения с родителями на родном языке на 13,1%, с детьми школьного возраста – на 29,2%. За эти же годы общение со школьниками на русском языке увеличилось на 20,8%. Когда используются для общения два языка – русский и этнический, это может означать, что семья смешанная и ребенок с детства может усваивать язык обоих родителей. Но часто в смешанных семьях отдают предпочтение русскому языку в общении, тем более что во всех названных республиках количество знающих его около 90 и более процентов.

Одним из факторов, указывающих на то, что происходит языковой сдвиг, является билингвизм. Билингвов, однако хорошо владеющих двумя языками, немного. Чаще один из языков в речи говорящего доминирует, и это тот язык, который является родным или неродным, но усвоенным с раннего детства. В финно-угорских республиках такими языками являются национальные языки и русский. При недостаточном владении вторым языком в речи таких билингвов возникают различные виды интерференции, поскольку говорящий воспринимает второй язык через родной. В социолингвистике такой вид билингвизма называют субординативным, несбалансированным или асимметричным, исходя из различных аспектов взаимодействия двух языков (Словарь социолингвистических терминов, с. 31). Если же говорящему легче говорить на том языке, который он хорошо знает, происходит переключение кодов, т.е. переход в ходе коммуникации на другой язык в зависимости от условий общения с собеседником. Чаще всего таким языком, на который переходят, является русский. Переключение кодов можно назвать первоначальным этапом в языковом сдвиге

Языковая политика или, точнее, национально-языковая политика государства – самый мощный по воздействию на смену языка фактор, особенно в России. Объясняется это тем, что в разные годы существования нашего государства, сначала СССР, потом РФ, национально-языковая политика менялась кардинально – с языкового строительства в 20-е годы XX века до полного забвения проблем с языками народов, населяющих нашу многонациональную страну, низведения их до языков бытового общения в конце 80-х годов того же века.

В период, который принято называть «языковым строительством», национальные языки впервые в истории почувствовали свою значимость в жизни своего народа. Это придало им стимул для развития и распространения. Уже в 1919 году был принят декрет о ликвидации неграмотности и в связи с этим началась работа по созданию национальных алфавитов для тех народов, которые не имели письменности. Финно-угры – коми-зыряне, марийцы, мордва и удмурты – к этому времени уже имели свою письменность на кириллице, которая постепенно совершенствовалась и в конце 30-х годов XX века приняла современный вид. В настоящее время письменности коми, марийцев и удмуртов основываются на русском алфавите с добавлением от 2-х до 4-х дополнительных знаков. Алфавит мордовского языка полностью соответствует русскому, и только письменность карельского языка функционирует на латинице.

Помимо работы по разработке письменностей во времена языкового строительства проводилась политика «коренизации», суть которой сводилась к подготовке и использованию национальных кадров в работе в различных органах власти, общественных и хозяйственных организациях, в системе образования, в сфере культуры. Открывались национальные школы, «коренизация» которых считалась особо важным делом. Акад. В. М. Алпатов (2000) писал об этом периоде: «...коренизация различных сфер жизни продолжала идти достаточно активно. В 1929 г. Центриздатом выпускались учебники и учебные пособия на 56 языках, а в 1934 г. на 104 (включая, правда, и некоторые зарубежные). Один из ведущих деятелей просвещения тех лет писал, что в 1931/32 уч. г. мы имеем возможность коренизировать на 100% начальную школу у 37 национальностей. Первыми в РСФСР отрапортовали о завершении “коренизации” начальной школы коми. Это не значит, что русский язык там не преподавался. Но тогда считалось абсолютно необходимым начинать обучение на материнском языке, а освоение русского языка допускалось лишь с 3-го класса» (с. 76-77). Коренизация в Коми называлась «зыряннизацией» по названию народа – коми-зыряне, в отличие от коми-пермяков. В октябре 1924 г. на областном съезде Советов было принято решение считать государственными языками коми и русский.

«Коренизация» осложнялась тем, что во всех регионах население состояло из представителей разных этнических групп, которые не владели языком, становившимся основным в этот период. Так произошло в Карелии, где проживали карелы, русские и финны. Когда началась «финнизация» в Карелии, выяснилось, что русские и карелы не знают финского языка. Впрочем, такая же ситуация наблюдалась во всех остальных регионах.

В Марийской автономной области в 20-е – 30-е годы, как и в других районах СССР, в основном шла ликвидация неграмотности взрослого населения, однако главным вопросом был вопрос о роли марийского языка в общественной жизни и школьном образовании. 23 ноября 1923 года марийский язык наряду с русским был объявлен официальным в пределах Марийской области, и все служащие должны были изучать его на курсах.

В годы языкового строительства активно проходило открытие национальных школ во всех областях России, в которых обучение с 1-го по 4-й классы проводилось на национальном языке, т.е. шла «коренизация» школьного образования. Как пишет марийский исследователь Л. Токарева (1999): «Конец 20-х – начало 30-х был отмечен значительным прогрессом в развитии марийской национальной школы: число марийских начальных школ возросло от 156 в 1928-1929 учебном году до 331 – в 1932-1933» (с. 82). В Мордовском округе (так он назывался в 1928-1930 гг.) в Краснослободском районе, как указывает Е. А. Казаков (2012) в своей работе, «открылись в 1923-24 уч. г. 128 школ, в 1925-26 г. – 181 школа, в Саранском уезде – в 1925-26 г. – 136 школ, в 1926-27 г. – 164 школы. В Рузаевском уезде в 1925-26 г. – 137 школ, в 1927-28 г. – 168 школ» (с. 144). В Удмуртии в 1925/26 уч. г. работало 127 удмуртских школ, в 1926/27 г. – 180, в 1927/28 г. – 188, в 1928/29 г. – 195, в 1929/1930 г. – 235 школ (Васильева, Воронцов, 2013, с. 74).

Однако процесс «коренизации» в деле перевода делопроизводства и организации всей внутренней работы на национальных языках не имел успеха: не хватало переводчиков, да и просто грамотных людей, не было специалистов-делопроизводителей, многие плохо знали или совсем не знали родного языка и предпочитали русский язык. Принимались различные постановления для улучшения работы по «коренизации», но они редко реализовывались.

Период языкового строительства сменился периодом политических репрессий 30-х годов и борьбой с «буржуазным национализмом», «панфиноугризмом». Слова «национализм», «национальный» приобрели резко негативную коннотацию. Использование родного языка считалось проявлением национализма и каралось всевозможными наказаниями вплоть до ссылки и заключения в тюрьму. В эти годы появилась версия, что Финляндия подготавливает завоевание советских земель и помогают ей в этом агенты финно-угры, проживающие в СССР. Финно-угорская интеллигенция подверглась жесточайшим репрессиям и была практически полностью уничтожена. Как писал известный марийский ученый К. Н. Сануков (2001): «...создалось определенное внутреннее состояние отчужденности от языка и культуры своего народа, выработалось ощущение их общественной ненужности» (с. 132-133). Люди вынуждены были говорить на русском языке, боясь обвинений в «национализме». По-видимому, именно такие события известный социологист из США Ленора Гренобль (2021) называет «историческими травмами» (с. 10).

В последующие годы языковая политика сводилась к русификации, что было оправдано целью иметь единый язык межнационального общения, способствующего экономическому развитию многонациональной страны. После того как в 1938 г. было принято постановление об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик с 1-го класса, а в 1958 г. по решению ЦК КПСС родители получили право выбирать школу обучения для своих детей, национальные школы стали закрываться и, таким образом, система национального образования перестала существовать. Родители выбирали школы с русским языком обучения, так как понимали, что знание русского языка дает возможности получения высшего образования (все вузы работают на русском

языке), карьерного роста, передвижения по стране в поисках работы и т.д. Prestиж национальных языков оказался на самом низком уровне, выросли поколения людей, не знающие своих родных языков. Эта тенденция стала массовой, и если процент считающих родным языком русский еще не столь велик, то процент владеющих им достигает во многих республиках 90-98%.

Большое влияние на психологический настрой общества к родному языку оказывает его функциональная мощь, т.е. использование языка в общественно значимых сферах. К концу 80-х годов XX века положение национальных языков в республиках стало настолько угрожающим, что грозило их исчезновением. Вытесненные почти из всех сфер общественной жизни русским языком, они стали языками только семейно-бытового общения. В эти же годы начались перемены в политической жизни СССР. В июне 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР. В ней утверждалась необходимость существенного расширения прав автономных республик, областей и краев, входящих в состав РСФСР. Б. Н. Ельцин, став президентом РСФСР в июне 1991 года, уже в октябре подписал Закон РСФСР о языках, который определял статус русского языка как государственного языка и как средства межнационального общения. Кроме того, республикам было дано право устанавливать свои государственные языки. Среди финно-угорских республик первой уже в 1992 году приняла закон о языках Республика Коми, в 1995 году – Республика Марий Эл, в 1998 году – Республика Мордовия, в 2001 году – Удмуртская Республика. Республика Карелия в 2004 году приняла закон о государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков, не объявив ни один из них государственным.

После принятия законов прошло уже много лет, но, несмотря на эйфорию первых лет и всевозможные программы по выполнению законов, ученые из республик констатируют, что к настоящему времени языковая ситуация не поменялась кардинально.

Национальные государственные языки слишком мало востребованы или вообще не востребованы в административном управлении, деловой переписке, государственных и муниципальных учреждениях, СМИ, рекламе, сферах обслуживания и торговли, кино и театрах. Если дети и взрослые видят вокруг себя надписи только на русском языке, читают русскоязычные журналы и смотрят кинофильмы на русском языке, то у них никогда не возникнет интереса к своему родному языку. Повышение интереса к языку требует его визуализации, т.е. оформления всех попадающихся на глаза вывесок, объявлений, рекламы, названий улиц, журналов, газет в киосках печати на национальном языке. Неплохим примером послужили бы выступления глав республик и других значимых лиц на языке по ТВ, хотя бы с поздравлениями населения по праздникам, и в целом увеличение передач на языке, а не только чтение новостей по 15-20 минут в день, как происходит в большинстве случаев. Огромное значение имеет также положение языка в школе: если на нем нет преподавания и он изучается как иностранный 2-4 часа в неделю, то при отсутствии языковой среды учащиеся не будут хорошо его знать, а следовательно, не будут на нем говорить. Финские ученые, изучавшие языковую ситуацию и языковую политику в нашей стране, на наш взгляд, совершенно правы, когда считают, что «никто не может возродить язык, кроме самого языкового сообщества. Никто не может начать использовать язык вместо его простых носителей. Если они не готовы предпринять усилия ради будущего своего языка – говорить на нем, если они его знают, или же учить его, если не знают, – прогнозы относительно языкового возрождения остаются неблагоприятными» (Замятин, Пасанен, Саарикиви, 2012, с. 160). Необходимо повышать престиж родного языка, формировать его положительный имидж как неотъемлемую принадлежность этнической идентичности угро-финнов РФ.

Заключение

Подводя итоги, обратимся к цифрам, которые могут свидетельствовать о языковом сдвиге под влиянием указанных выше факторов, по данным переписей. Отметим, однако, что признание родным языком не этнического, а русского может свидетельствовать не только о смене языка, но и о том, что русский язык является родным, если семья смешанная и использует в повседневном общении русский язык. Для индивида, выросшего в такой семье, русский всегда будет считаться родным языком.

Интересно привести в качестве примера данные переписи 1989 года, свидетельствующие о том, что языковой сдвиг уже тогда был характерен для финно-угров, да и для других народов нашей страны. Цифры даются в целом по стране, а не по республикам в учебнике «Социоллингвистика» В. И. Беликова и Л. П. Крысина (2001, с. 407-408): численность народа и количество с родным русским языком в %: коми – 336309 чел., родной русский – 28,88%, марийцы – 643698 чел. – 17,82%, мордва – 1072939 чел. – 30,83%, удмурты – 714833 чел. – 28,94%, карелы – 124908 чел. – 51,16%. В переписи 2002 года вопроса о родном языке не было в переписных анкетах. Приведем данные по переписи 2010 г. по республикам. В Республике Карелия признали родным языком русский 72,7% карел, в Республике Коми – 37,1% коми, в Республике Марий Эл – 20,2% марийцев, в Республике Мордовия – 18% мордвин, в Удмуртской Республике – 34,9% удмуртов (Итоги Всероссийской переписи..., 2012, с. 248, 250, 270, 272). По результатам переписи 2010 года можно сделать выводы, что цифры языкового сдвига уже вызывают тревогу по поводу положения этнических языков в Карелии, Коми и Удмуртской Республике, но последующие переписи могут показать еще более опасную тенденцию – увеличение числа сменивших родной язык на русский и уменьшение числа владеющих этническими языками и признающих их родными.

Следует отметить, что до настоящего времени языковой сдвиг не привлекал достаточного внимания российских социолингвистов, в то время как этот факт оказывает большое влияние на витальность языка в целом

и его функционирование в социальных сетях в частности. Следовательно, перспективы дальнейшего исследования должны быть направлены на изучение языкового сдвига не только у финно-угорских народов РФ, но и у других, так как эта тенденция актуальна практически для всех народов, проживающих в нашей многонациональной стране. И курс социолингвистики для студентов-лингвистов обязательно должен включать такой важный пункт изучения, как языковой сдвиг.

Источники | References

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Изд-е 2-е. М., 2000.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001.
3. Васильева О. И., Воронцов В. С. Национальная школа в Удмуртии: история и современность // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 13.
4. Гренобль Л. Социолингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителя // Социолингвистика. 2021. № 2 (6).
5. Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012.
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11-ти т. М.: Статистика России, 2012. Т. 4. Кн. 1.
7. Казаков Е. А. Система школьного образования в 20-е гг. XX века в контексте социокультурного развития Мордовского края // Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 3.
8. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. Избранные работы. М.: Наука, 1968.
9. Сануков К. Н. Финно-угорские народы России: проблемы национальной идентификации // Финно-угроведение. 2001. № 1.
10. Токарева Л. Марийская школа в 20-е годы // Финно-угроведение. 1999. № 2-3.
11. Шабыков В. И., Кудрявцева Р. А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл (на материале социологических исследований 2012 и 2015 годов) // Вопросы филологии. 2018. № 1 (61).
12. Шабыков В. И., Кудрявцева Р. А., Краснова Н. М. Динамика социального статуса горномарийского языка в XXI веке // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2020.
13. Януш О. Б. Трансграничное языковое сообщество как феномен субглобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: мат. междунар. конф. М., 2014.

Информация об авторах | Author information

Кондрашкина Елена Алексеевна¹, к. филол. н.

¹ Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

Kondrashkina Elena Alekseevna¹, PhD

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ e.kondrashkina@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.09.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): языковой сдвиг; государственные языки; финно-угорские языки; языковая политика; социальные факторы; language shift; state languages; Finno-Ugric languages; language policy; social factors.